

Фан Чунмэй взглянула на вопрос.

— На самом деле, изначально я была недовольна Сяо Жун. Все знают, что её предыдущие работы были не очень.

— К тому же предыдущая актриса затянула процесс, что вызывало беспокойство. Я даже выбрала запасную актрису, уже после того, как утвердила её.

Сяо Жун нервничала, её пальцы дрожали. Она чувствовала, что тогда ей улыбнулась удача.

Наивная и счастливая.

— Но позже Сяо Жун меня очень порадовала.

Фан Чунмэй редко улыбалась. На съёмочной площадке она была строгой, и даже в личных разговорах с Сяо Жун по рабочим вопросам она казалась очень серьёзной. Сяо Жун всегда была настороже.

Её редко хвалили в лицо, и она чувствовала себя неловко.

Цзин Тяньюэ кивнула. Она сидела на сцене расслабленно, подперев подбородок рукой.

— Сяо Жун значительно улучшилась.

Затем последовали вопросы о подготовке, но больше обсуждений должно было быть после просмотра фильма.

Когда фильм начал показываться, Сяо Жун спустилась со сцены и села в первом ряду. Свет погас, и только экран освещал зал. Сяо Жун украдкой посмотрела на Цзин Тяньюэ. Свет перед ней был холодным, но он излучал лунный свет, который хотелось рассматривать.

Но её ногу наступили.

Сяо Жун очнулась.

Тот, кто наступил, улыбнулся с видом победителя.

«Южный ветер не приносит вестей» был показан в прямом эфире впервые. Сяо Жун тоже впервые смотрела готовый фильм. В начале был показан флешбек.

Это был чужой взгляд. Бумажный шарик упал, кто-то наклонился, чтобы поднять его, и спросил:

— Мама, что ты делаешь?

Шарик развернули, синие чернила размылись, но можно было с трудом разобрать иероглиф «Цзинь». Его взяли и выбросили в мусорное ведро.

На экране появилась половина лица. Женщина в костюме держала на руках маленькую девочку и строго сказала:

— Кто тебе разрешил входить?

Кабинет был семейной тайной, хозяйка молчала, но ребёнок был любопытным.

— Мама, ты пишешь письмо?

— Да.

— Другу?

— Нет.

— Тогда кому?

— Себе.

— Но ты же здесь...

Женщина спустилась с ребёнком по лестнице. Лестница, покрытая плиткой с деревянным узором, сменилась бетонной. Чьи-то ноги в шлёпанцах спускались вниз, опираясь на перила между этажами, и смотрели вниз.

Громкие крики цикад. Женщина с зонтиком смеялась с мужчиной в костюме, который вёл чемодан. Они что-то говорили, но её отказали.

Маленький чемодан с узорами был взят женщиной. У него было только два колеса, и он выглядел старомодно. Зонтик был вставлен в ручку, и она несла его с трудом.

Наверху раздались топот и звуки рогаток. Несколько детей с рогатками сбежали вниз, промчавшись, как ветер. Лестница была узкой, и женщину толкнули. Она ругалась, поднимаясь вверх, но что-то упало.

Она потрогала — пепел.

Чья-то тень промелькнула.

Сяо Юй впервые увидела Ту Цзинь в то лето. В первый день, когда та переехала, пятый этаж уже был сдан. Болтливые женщины уже обсудили её, сказав, что она — дама.

Дама? Сяо Юй не чувствовала ничего особенного, тайком докуривая сигарету, а затем вернулась в комнату, слушая, как чемодан тащат по лестнице.

Она думала, что это не похоже на даму, если она отказывается от бесплатной помощи.

Сяо Жун в начале фильма выглядела очень расслабленной, даже носила майку старика, с лифчиком-топом, который выделялся, показывая её естественно белую кожу, которую не могло загореть даже солнце.

Дома она готовила в шортах, с леденцом во рту, дразня младшего брата от второго брака матери, отбирая у него чипсы.

Ей было восемнадцать, и в ней ещё оставалось что-то детское и вредное.

Ту Цзинь впервые увидела Сяо Юй, когда та издевалась над своим братом, играя с ним внизу у клумбы, где ребёнок катался на машинке.

Белая футболка Сяо Юй была прозрачной, показывая контуры топа. Подошва её шлёпанцев была стёрта наполовину. Она держала пакетик мармеладных мишек, и ребёнок просил у неё,

но она игнорировала его, продолжая есть.

Когда ребёнок начал плакать, она дала ему, но, вероятно, осталось только две штуки.

Ребёнок снова заплакал, и она раздражённо потянула машинку, прошла немного и остановилась, держа верёвку в руке. Вечер был жарким, звуки жарки и ругани наполняли воздух, а где-то играли на хулусы. Сяо Юй скучающе подняла глаза, и Ту Цзинь, стоя на балконе, встретилась с ней взглядом.

Одна подняла глаза, другая опустила, и обе одновременно отвели взгляд.

Ту Цзинь засмеялась, а Сяо Юй засунула руки в карманы и пнула машинку, которая пролетела два метра. Ребёнок обрадовался и взлетел с криком.

Фильм Фан Чунмэй был спокойным, музыка медленной, но он не усыплял.

Цзин Тяньюэ в каждом движении была очаровательной, а Сяо Жун — расслабленной и уверенной. Красивые лица и разные характеры создавали впечатление, что невозможно оторвать глаз.

Сяо Жун смотрела внимательно, не ожидая, что фильм получится таким. Хотя она знала сценарий наизусть, прошло много времени.

Она словно вернулась в те дни, на жаркую съёмочную площадку, с её радостным настроением и тревожными просьбами.

Когда на экране показали расставание, она не смогла удержаться и посмотрела на Цзин Тяньюэ.

Цзин Тяньюэ смотрела внимательно, наблюдая за истеричной Сяо Юй на экране.

Атмосфера была передана идеально: от влюблённости до расставания и встречи спустя годы. Сяо Юй так и не смогла спасти Ту Цзинь. Её собственный выбор, казавшийся правильным, медленно разрушал её изнутри.

Жизнь женщины, независимо от профессии, образа жизни или выбора, может найти лишь тонкий отклик.

В Сяо Юй, в Ту Цзинь.

В сцене, где Ту Цзинь перерезала вены, ярко-красный фон, закат, светящийся через окно, как тонкая белая рука, свисающая с края ванны, и капли крови. Сяо Юй смогла вытащить свою первую любовь из пропасти, но не смогла спасти Ту Цзинь.

Медленно зазвучала хулусы, та же, что играла при первой встрече, теперь превратилась в похоронную музыку.

Сяо Юй выросла из ученика кондитера, переродилась в любви и ненависти, добилась успеха в городе. Она больше не была той маленькой девочкой, запертой в узкой комнате без окон.

А жизнь Ту Цзинь была неизвестна даже ей самой. Возможно, она была в ловушке много лет назад, до встречи с Сяо Юй.

Ту Цзинь в некотором смысле ускорила взросление Сяо Юй, но ускорила и свою собственную

гибель. Всю свою жизнь она была несчастной, которая шла напролом.

Любовь была бесполезна, ненависть была бесполезна, жизнь и смерть разделили их. Сяо Юй вернулась в родной город, чтобы похоронить ту, кого любила больше всего.

Женщина, которая в начале держала девочку на руках, теперь показалась полностью. В отличие от большей части фильма, где Сяо Юй выглядела просто, теперь она была в идеальном макияже и элегантной одежде. Её звали Юй Ци, и многие говорили, что это звучит как «без будущего», но её родители просто выбрали это имя из словаря, и это стало её жизнью.

Ту Цзинь назвала её полным именем только один раз.

После свадьбы она обняла её и сказала:

— Желаю тебе счастья.

Но никому не было хорошо.

Сяо Юй никогда не выходила замуж, усыновила девочку и учила её, смотрела, как она растёт. Все свои воспоминания она заперла в кабинете.

На самом деле, Ту Цзинь ничего не оставила ей, только воспоминания, которые можно было сохранить.

К концу фильма слышались всхлипывания. Сяо Жун смотрела, и её глаза наполнились слезами, но она не плакала.

На самом деле, она слишком много плакала, когда вживалась в роль, и теперь думала о другом.

Это было глупо. Она не хотела, чтобы она и Цзин Тяньюэ стали такими.

Раньше она жила одним днём, но долгое будущее нельзя планировать на ходу.

Всё нужно тщательно продумывать.

Цзин Тяньюэ, наоборот, заплакала. Она плакала красиво, и когда зажёгся свет, на экране показали лица зрителей.

Цзин Тяньюэ плакала, прикрывая лицо рукой, а Сяо Жун передала ей салфетку.

Комментарии снова начали появляться, все кричали.

Многие ещё не могли прийти в себя и сидели в оцепенении.

Через полчаса было запланировано интервью, и у команды было время отдохнуть.

В комнате отдыха были только Цзин Тяньюэ и Сяо Жун. Сяо Жун попросила у визажиста инструменты, подошла и, присев перед Цзин Тяньюэ, вытерла её слёзы.

Цзин Тяньюэ:

— Как стыдно, плакать, смотря свой же фильм.

Сяо Жун улыбнулась и покачала головой:

— Потому что история сама по себе...

— Макияж размазался, — Цзин Тяньюэ повернулась к зеркалу. — Вот беда.

Сяо Жун:

— Я поправлю.

Цзин Тяньюэ:

— Хорошо.

Она была опытной, они часто поправляли макияж друг другу, но, подправляя помаду, Сяо Жун не смогла удержаться и поцеловала Цзин Тяньюэ.

Цзин Тяньюэ сказала:

— Сяо Юй.

<http://bllate.org/book/17670/1646933>